

Проповедь в Неделю о блудном сыне

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! От недели о мытаре и фарисее Святая Церковь ведет нас теперь к неделе о блудном сыне. Состояние, в котором находится мытарь, когда он взывает к Богу о помиловании и не только не помышляет о своих добродетелях, а не смеет возвести глаз своих к небу – это состояние еще глубже раскрывается в образе блудного сына. Господь нас создал, мы в Господе живем и умираем без Него настоящей смертью. Мы поступаем обычно, как блудный сын, который, получив от отца имение, ушел от него на страну далече, думая, что со своими полученными дарованиями он проживет своими силами. Но в духовном отношении это есть смерть, ибо, по словам святых отцов, в Боге мы живем. Когда блудный сын возвратился, то отец сказал другому сыну, негодовавшему на радостный прием, оказанный брату: «Брат твой был мертв и ожил» (Лк. 15, 32). Вот в состоянии отчуждения от Бога самое главное – это то, что мы не сознаем себя находящимися во грехе и забываем, каковы мы по самой природе. По природе нашей мы «образ неизреченной Божией славы», хотя и носим язвы многих согрешений¹. Мы граждане иного мира, небесные граждане. И если мы живем здесь, на земле, то для того, чтобы на земле устраивать Царство Божие, памятуя о своем небесном отечестве. Служба в неделю о блудном сыне раскрывает нам состояние отчуждения от Бога: «Иждих блудно отеческого именина богатство и расточив, пуст бых, во страну вселився лукавых граждан...»². Вот в таком состоянии блудный сын находился в течение долгого времени и, наконец, говорит евангельская притча, «пришел в себя» (Лк. 15, 17). Что значит «пришел в себя»? Один святой отец говорит, что начало нашего спасения есть познание самого себя. Но ведь познание самого себя есть дело всей жизни, это и есть то, к чему человек стремится в течение всего своего существования. Святые отцы раскрывают смысл этого изречения, говоря, что до тех пор пока ты не познал, кто ты, пока ты сам в себе не ощутил образа Божия, пока ты, живя среди земных граждан, не почувствовал, что ты гражданин неба и поработился «чуждым гражданам», пока ты, живя среди грязи своей собственной души, не познал в себе образа Божия – до тех пор ты не вступил на путь спасения, не начинал еще своего спасения. Оно начинается с того момента, когда я познал свою божественную природу. Так было и с блудным сыном. Он в один момент почувствовал, что есть иная жизнь в Отце и с Отцом, он почувствовал, что живет поработанный на стране чуждой и не имеет подлинной настоящей жизни. Начав с познания самого себя, человек, идя дальше по этому пути, противопоставляет в себе самом то, что есть в нем от образа Божия, хотя и покрытого язвами согрешений, и то, что внесено им, человеком, как растление своей души чуждыми обычаями: «Поработихся гражданином странным, и в страну тлетворную отыдох...», – говорит служба этого дня³. И с этого момента он начинает жаждать жизни в Боге и очищения себя от язв согрешений во имя образа Божия. К одному великому подвижнику – преподобному Антонию – пришел один инок и стал просить, чтобы он простил и помиловал его. Антоний же отвечал ему: «Ни я, ни Бог тебя не помилует, если ты сам себя не помилуешь». С первого взгляда этот ответ кажется странным. Как же так? А для духовной жизни это величайшая истина. Пока я сам в себе не обрету образа Божия, сам не помилую этого человека, находящегося в бездне греховной, но имеющего образ Божий, до тех пор, пока я сам не помилую в себе создание Божие, в своей совести не помилую себя грешного, скверного и блудного – до тех пор и Бог не помилует меня, до тех пор тщетна и моя мольба. Вот это состояние блудного сына, который увидел, как скверно он живет и как хорошо живут даже не сыны, а наемники у его отца, – вот это есть состояние помилования. Он помиловал себя и тогда пошел к Богу и у Него стал просить о помиловании. Наше дело в течение Великого поста есть просьба о помиловании. Мы будем все время взывать: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя». Но в эту неделю, подготовляющую к посту, нужно взять от святоотеческого опыта то, что он нам дает, иначе тщетны будут наши просьбы о помиловании. Мы должны ощутить в себе образ Божий, остатки божественной красоты, которые есть в нас, хотя и искаженные, и прежде всего помиловать себя, понять, кто мы в жизни и кто мы в творении. В жизни мы грешные, живущие в «стране далече», постоянно забывающие о Боге, а в творении мы есть «образ неизреченной Божией Славы» и только в Нем мы живем, только в Нем наше спасение. И это противопоставление себя в творении и себя в жизни и дает в известный момент состояние помилования себя. Вот смысл слова аввы Антония. И если мы в какой-то момент своей жизни помилуем себя и почувствуем противопоставление себя в творении и себя в жизни, тогда мы можем, подобно блудному сыну, идти к Богу и просить о помиловании. Но и в этом шествии мы должны работать Богу, а мы постоянно забываем, даже в нашем служении Богу, для чего мы должны все это делать.

Один авва, когда к нему обратились за назиданием, так определил духовное делание: «Когда мы жили в скиту, занятие о душе было нашим настоящим делом, а рукоделие – поделием, а ныне рукоделие стало настоящим делом, а занятие душой только поделием». Вот и мы в наших тех или иных работах памятуем не о том, о чем мы должны помнить. Мы забываем, что мы должны восстанавливать в себе образ Божий, что наше единственное дело на земле – нам, гражданам земли, сделаться гражданами неба. А мы думаем, что мы без этого можем спастись теми или иными делами: хождением в церковь, милостынею и т. д. Но все это есть только поделие в сравнении с настоящим делом – очищением души, покаянием. Если у блудного сына и были какие-нибудь дела, то он стяжал их не на гумне покаяния, не на сознании своего ничтожества перед Богом, а на основе гордости. Мы должны знать, что если мы хотим идти путем Христовым, то должны помнить, кто мы в жизни и кто в творении, для чего мы призваны в эту жизнь и что представляем из себя в

настоящий момент. И если перед нашими глазами постоянно будет творение Божие, «образ неизреченной Божией Славы», тогда мы будем миловать себя. Это не значит, что мы будем гордиться, прощать себя, оправдываться, а мы в самих себе увидим неизреченный храм Божией Славы, почувствуем всю радость жизни в Боге и ощутим ту грязь, в которой мы живем. Тогда мы придем к Богу и будем просить Его, как блудный сын: «Прими мя в число наемников Твоих» (Лк. 15, 19). Прими меня, я хочу жить с Тобой, в Тебе. И если мы придем в таком состоянии, то будем приняты, как блудный сын. И вот эта неделя, от мытаря возводя нас к блудному сыну, открывает не только сторону подхода человека к Богу, но раскрывает и другую сторону – подход Бога к человеку. Бог еще издали увидел его, кающегося грешника, Сам бросается к нему и Сам облакает его в одежду первую, нетленную, одежду творения, облакает тварь, которая растлила эту одежду и по словам Великого канона «лежит нагая и не стыдится», и велел заколоть тельца и веселится Сам с покаявшимся сыном. Не напрасно Святая Церковь проводит нас через эти состояния – иного пути нет. Только осознав в себе образ Божий, помиловав себя, мы можем надеяться, придя к Богу, что Он примет нас и даст нам одежду нашу первую, которую Он исткал нам от начала века. Аминь.

* * *

¹«Образ есмь неизреченная Твоя славы, аще и язвы ношу прегрешений» – из песнопений Панихиды.

²Утренняя в Неделю о блудном сыне. Стихира на хвалитех.

³Утренняя в Неделю о блудном сыне. Канон.

Источник: Печатается по: Священномученик Сергей Мечев. "Тайна богослужения. Духовные беседы. Письма из ссылки", - М., Храм святителя Николая в Кленниках, 2001"